

Из книги Фёдора Буданова «Детские и юношеские годы»

Октябрь 1917-го в Выксе

Сколько я ни напрягаю память, я не могу припомнить никаких выдающихся, выходящих из ряда вон, событий, которые сопровождали установление Советской власти в Выксе. Во время своего приезда в Выксу в 1960 году я беседовал с Григорием Михайловичем Сорокиным, энергии и трудам которого Выкса обязана восстановлению краеведческого музея, но и он не смог сообщить мне ничего такого, что проливало бы свет на события того периода. В экспонатах музея тоже нет ничего такого, что говорило бы об упорном сопротивлении старого режима установлению Советской власти. С витрин музея на посетителя смотрят только фотографии первых большевиков и первых делегатов съезда Советов.

В книге М. Головастикова «Приокский (Выксунско-Кулебакский) индустриальный район» об этом важнейшем историческом периоде говорится, как была установлена Советская власть 31 октября (13 ноября) в Кулебаках и кратко заключает: «Вскоре в Выксе тоже была установлена Советская власть».

То, что новая власть в Выксе была установлена значительно позднее Октябрьского штурма в Петрограде (что-то во второй половине ноября) означает, что у нас обошлось без вооружённого восстания, так сказать, явочным порядком. Как-то сразу позакрывались магазины купцов Леоновых, Седовых, Головановых, а сами купцы стушевались и растворились в общей массе. Исчезли волостной старшина, воинский начальник, полицейский надзиратель, а на их место встала такая разветвлённая организация, как Совет Рабочих и Крестьянских депутатов.

Некоторые подразделения Советской власти, такие как Государственный банк, почта, по сути дела лишь сменили вывеску и продолжали действовать по старым канонам, но под руководством новых людей. Другие, как Отдел социального обеспечения, военкомат, лишь воспользовались материальной базой больничной кассы в первом случае и присутствия воинского начальника во втором, и начали строить свою работу по-новому, хотя и не имели в этой работе никакого опыта. Большинство же органов государственной власти и местного самоуправления возникли и продолжали возникать заново.

Все как-то без дополнительных разъяснений поняли, куда и по каким вопросам нужно обращаться и приняли советскую власть как свою собственную законную власть, куда более понятную, несмотря на её молодость и неопытность, чем многочисленные и не связанные друг с другом присутствия времён царского режима и многочисленные комитеты и коллегии времён керенщины. Были, конечно, и злопыхатели, которые в первые месяцы советской власти открыто говорили о своём несогласии с её политикой и предсказывали ей неизбежную гибель в ближайшие же недели. Но эти предсказатели не выражали общего мнения народа и не они задавали тон общественной и политической жизни в посёлке.

А жизнь эта развивалась как никогда и вовлекала в сферу своей деятельности всё более широкие слои населения. Передовые представители этого населения смело занимали посты во вновь создаваемых организациях и управляли доверенными им участками работы так уверенно, как будто они всю жизнь тем и занимались, что управляли государством. Тут-то и появились самородки вроде Володи Мазурина и сотен других товарищей, вложивших свою посильную лепту в строительство новой жизни.

Выкса бунтует, а потом борется с бунтовщиками

Волна контрреволюционных восстаний и кулацких бунтов, охватившая в первой половине 1918 года всю страну, вплотную подошла к Выксе. Вскоре после чехословацкого мятежа и восстания правых эсеров в Тамбове в нашем районе тоже зашевелились ещё легально действующие эсеры и различные подпольные группы. Поползли разные слухи о событиях в Питере, Москве и других городах страны. В открытую стали поговаривать о неизбежности наступления и у нас в Выксе.

Эта открытая и скрытая контрреволюционная деятельность врагов революции в значительной степени облегчалась тяжёлым продовольственным положением. Рабочие по продовольственным карточкам почти ничего не получали. Промтоварные карточки вообще превратились в фикцию. Рабочие в одиночку и группами подались в деревни за хлебом. Но в деревнях за деньги ничего уже приобрести было нельзя. Взамен их повезли различные вещи домашнего обихода, включая мебель, не говоря уже об одежде. Дома деревенских кулаков, да и не только кулаков, ломались от двуспальных никелированных кроватей, шкафов, стульев, зеркал и прочей рухляди. Сундуки доверху были набиты одеждой и отрезами материи.

За несколько дней до восстания в Муроме недовольство рабочих тяжёлым продовольственным положением в Выксе вылилось в активное выступление. Оно охватило, правда, небольшую группу, но явилось очень тревожным сигналом. Рабочие, назвавшие себя делегатами от рабочих Нижней и Верхней Выксы, подошли к магазину Общества потребителей (он находился на месте нынешнего здания «Книготорга»). «Делегаты» потребовали от председателя правления коммуниста В.И. Большакова допустить их к осмотру кладовых магазина, где по их сведениям находится много продуктов, а по карточкам ничего не выдают.

Посоветовавшись с моим отцом, который был тогда членом правления и казначеем Общества, Василий Иванович предложил выделить группу в несколько человек и вручил им ключи от всех кладовых. «Делегаты» обошли все кладовые и, конечно, ничего в них не обнаружили, о чём и сообщили своим товарищам. Тогда кто-то в толпе с явно провокационной целью крикнул: – По домам развезли ночью! Я знаю, где искать, – все продукты у Наумова в клуне лежат!

Наумов, бывший торговец, тоже был членом правления. Глава большого семейства, он жил в большом двухэтажном доме на Рогатке (ныне улица Шаплыгина). Во дворе дома Наумовых были большие хозяйственные постройки и кладовые. Удар попал в цель: авторитет Наумова как бывшего торговца был скомпрометирован. Рабочие шумной толпой двинулись на Рогатку, взяв с собой и Наумова. Не зная, что может быть обнаружено в кладовых Наумова, который был очень запасливым хозяином и, боясь самосуда, Большаков позвонил в милицию с просьбой выслать к месту происшествия наряд и после этого пошёл вместе с толпой.

«Делегаты» с шумом и угрозами ворвались во двор и начали шарить по кладовым. В кладовых оказалось некоторое количество различных продуктов, заработанных Наумовым честным трудом. Но разъярённой толпе достаточно было вида нескольких мешков муки и мясной туши, чтобы взорваться окончательно. Навесив на старика различные продукты, толпа с гиканьем повела его по улицам города. Натешившись вдоволь и приказав Большакову свезти найденные продукты в магазин, толпа разошлась по домам. Это всенародное позорище так подействовало на старика Наумова, что он сильно заболел и вскоре умер.

Делегация разошлась по домам, но было ясно, что обстановка накаляется и каждую минуту может произойти более серьёзный взрыв, чем только что закончившийся инцидент с продуктами Наумова. События эти не заставили себя долго ждать: 8 июля 1918 года вспыхнул мятеж в Муроме. Сведения о нём тайными осведомителями в тот же день долетели до Выксы. Вечером 8

июля в Выксе было очень тревожно. По улицам патрулировали наряды милиции и красноармейцев из караульной роты военкомата. С наступлением темноты выход на улицы города был запрещён. Об этом оповестил жителей специальным объявлением военком Тугарёв, который по решению Укома партии был назначен начальником немногочисленного выксунского гарнизона.

Наступило 9 июля. После обеда я пришёл в магазин Общества потребителей помочь отцу разобраться в его казначейских делах. Вдруг мы услышали тревожные гудки на обоих заводах. Патрули милиции и красноармейцев моментально исчезли с улиц. Прошло некоторое время, и со стороны проходной Верхне-Выксунского завода появились толпы рабочих, которые направлялись на Базарную площадь. В это же время у Малой церкви показались ещё более многочисленные толпы рабочих Нижне-Выксунского завода. Вскоре вся площадь на месте ныне существующего Дома культуры им. Лепсе была запружена тысячами возбуждённых людей. Чувствовалось, что настроение этой многолюдной толпы подогревает чья-то злая воля.

Так оно и оказалось. Когда настроение толпы накалилось до предела, на одну из телег, стоящих на Базарной площади, взобрался какой-то человек в офицерской форме без погон, вооружённый шашкой и револьвером. В этом человеке мы сразу узнали Кольку Гундобина, который ещё мальчишкой удрал на фронт, нахватал там орденов, дослужился до офицерского чина и после Октября пропал с выксунского горизонта.

– Граждане! – закричал он зычным голосом. – Митинг по случаю революционного переворота объявляю открытым!

Далее Гундобин рассказал о событиях в Муроме, которые, по его словам, увенчались полной победой и свержением Советской власти. Назвав себя представителем командования революционных войск Сахарова и Григорьева, Гундобин призвал собравшихся к немедленному свержению власти большевиков и установлению «истинно народной власти».

За Гундобиным выступил сын крупного выксунского торговца Костя Ашмарин, тоже в офицерской форме без погон, и ещё какие-то неизвестные Выксе личности. Толпа гудела и трудно было предугадать, что она предпримет в следующую минуту. Вопрос решила энергия Гундобина, который выхватил из ножен шашку и с какими-то призывными криками двинулся со своими единомышленниками по направлению к дому, где размещался в то время Уком партии и Исполком. Вся толпа двинулась за вожаками восстания, которое как будто началось стихийно и не встретило никакого противодействия со стороны милиции и немногочисленного гарнизона.

Толпа заполнила всю площадь. Гундобин с группой своих подручных вошёл в здание исполкома. Обстановка тем временем накалилась до крайней степени. Было ясно, что жизнь коммунистов, которых сейчас выведет Гундобин на суд разъярённой толпы, висит на волоске. Время тянулось очень медленно. Какие-то доброхоты соорудили из ящиков подобие трибуны. Развязка приближалась...

Но вот в подъезде показался раскрасневшийся Гундобин. За ним двое парней вывели секретаря Укома партии Шаплыгина. Он в лёгком потёртом пальто, в засаленной кепке. Таким его видели на улицах Выксы и в заводских цехах: сутулого, с впалой грудью, явно тяжело больного, но обладающего неукротимой энергией, человека. Рукав пальто у Шаплыгина был оторван, изо рта и носа стекают тоненькие струйки крови, но бедняга не мог вытереть их – руки пленника связали верёвкой сзади.

На ящики вскакивает Гундобин. Вслед за ним на импровизированный помост втаскивают Шаплыгина. Гундобин истерически кричит о том, что трусливые коммунисты и исполкомовцы сбежали, и поймать удалось только одного Шаплыгина.

– Что с ним делать? – спрашивает Гундобин с явно провокационной целью.

Дикий рев раздаётся в толпе, причём шумят преимущественно люди, стоящие вблизи трибуны. Тут и бывший пристав Огурцов, и Костя Ашмарин, и члены выксунской организации эсеров, и неизвестные в Выксе люди...

– В пруд его! – закричал кто-то из гундобинского окружения. – Убить его, как собаку!

Толпа дрогнула и неодобрительно зашумела. Это, очевидно, смутило главаря восстания, который не ожидал сочувственного отношения к своему пленнику. Он быстро сориентировался и, оттолкнув лезших на ящики людей, готовых тащить Шаплыгина на пруд, закричал что-то о недопустимости самосуда. Он предложил предать Шаплыгина новому революционному суду, а пока что запереть в камере для задержанных. Возражений не последовало. Тут же появились представители невесты когда сформированного «отряда охраны народного порядка» с красными повязками на рукавах и повели Шаплыгина в камеру для задержанных или, проще говоря, в кутузку. Она помещалась в длинном одноэтажном здании конного двора рядом со зданием волостного правления (в котором в 60-е годы находился кабинет политического просвещения ГК КПСС).

Тем временем Гундобин торжественно объявил Советскую власть в Выксе свергнутой восставшим народом, а себя временным военным комендантом города, в руках которого по решению штаба восстания сосредотачивалась вся гражданская и военная власть впредь до выборов новой законной власти. На этом собственно восстание и закончилось. Шаплыгин был заключён под стражу, народ разошёлся по домам, и Выкса погрузилась в тревожное ожидание: «что же будет дальше?».

Ответ пришёл на следующий же день утром. Оказалось, что мятеж в Муроме был подавлен в самом зачатке, и главари его, Сахаров и Григорьев, бежали, оставив своих сторонников на произвол судьбы. Точно так же поступил и Гундобин – он ночью исчез из Выксы и никогда больше в ней не появлялся. Вместе с ним скрылся военком Тугарёв со своим адъютантом латышом Михаилом Кляугой, бывшим портным, беженцем из Латвии. Бегство Тугарёва объяснило причину бездействия милиции и караульной роты военкомата, которые были дезориентированы в обстановке предателем-военкомом и не оказали мятежникам никакого противодействия.

Ночью собрались члены Укома партии и Исполкома, временно скрывавшиеся по приказанию Шаплыгина. Они арестовали не успевших убежать активных участников мятежа, освободили Шаплыгина, и с утра все партийные и советские учреждения работали в обычном порядке. В ту же ночь у входа в свою квартиру неизвестными лицами был убит бывший пристав Огурцов, который во время митинга на Базарной площади находился в непосредственной близости от Гундобина и, несомненно, был одним из участников заговора.

К вечеру следующего дня, вместо обещанных Гундобиным сахаровских бандитов из Мурома, пришли красноармейцы из Ардатова. Они с песнями прошли по главной улице и расположились лагерем в монастыре. Ещё через день на той же самой Базарной площади на митинге выступил Шаплыгин. Он подробно рассказал обо всех событиях, о подоплёке заговора в Выксе и призвал

всех к спокойствию и порядку. Заговор, таким образом, был полностью ликвидирован, а единственной его жертвой оказался бывший пристав Огурцов.

Позднее Шаплыгин ушёл политработником на фронт и героически погиб где-то на Волге. В его честь улица Рогатка была переименована в улицу Шаплыгина и вполне заслуженно: в моей памяти Шаплыгин сохранился как волевой, преданный своей идее человек, забывавший всё личное ради общественного блага.

На этом волнения в Выксунском районе не закончились. В середине августа пришлось пережить ещё несколько тревожных дней. В селе Ново-Дмитриевка, что в 25 километрах от Выксы, вспыхнуло кулацкое восстание. Оно было поддержано остатками белогвардейских отрядов, отступивших туда после разгрома белогвардейского мятежа в Касимове. В связи с этим Выкса была объявлена на военном положении, и большой отряд выксунских коммунаров отправился на этот недалёкий фронт.

Тем временем белогвардейские разведчики проникли в Выксу. Трое из них были пойманы красноармейским патрулём на Типографской улице и при попытке к бегству были убиты. Никаких документов при них не оказалось, но по внешнему виду и тонкому белью можно было безошибочно определить, что это, несомненно, офицеры. Несколько дней трупы лежали в мертвецкой заводской больницы, а затем закопаны в неизвестном месте. Правда, на полянке у мотмосской дороги сразу же за посадкой (на этом месте сейчас кладбище, на котором похоронена моя мать) в эти дни вдруг появилась какая-то свеженасыпанная яма, похожая на братскую могилу, и по Выксе был пущен слух, что это могила убитых белогвардейцев. Как бы в подтверждение этому на «могиле» время от времени появлялись неизвестно кем положенные букетики полевых цветов.

Бунт новодмитриевских крестьян был подавлен, и в Выксу были привезены трупы семи расстрелянных коммунаров, которые попали в плен к восставшим и были ими зверски убиты. 25 августа 1918 года на большой поляне в парке перед Домом Советов состоялись торжественные похороны погибших. На могиле был сооружён временный деревянный обелиск, а сейчас стоит красивый памятник с изображением фигур рабочего и красноармейца. Надо сказать, что ещё в 1918 или в 1919 году, точно не помню, была предпринята попытка установить памятник в виде обнажённого рабочего, поднявшего над головой чугунную шестерню, чтобы поразить ею извивающуюся у его ног змею – гидру контрреволюции. Эту скульптуру талантливо исполнил художник-энтузиаст Цыганков. Он появился в Выксе в первые же дни после Октября. Жгучий брюнет в потрёпанной красноармейской шинели и шлеме, в столь же потрёпанных ботинках с обмотками, он выглядел весьма экстравагантно.

Цыганков был известен в Выксе своей большой работой по созданию краеведческого музея, который вмещал в себя массу уникальных экспонатов, вроде саженого портрета Петра Великого, чугунного камина, получившего Золотую медаль на Парижской выставке, и старинных портретов и картин. Впоследствии значительная часть этих уникальных ценностей была расхищена и бесследно исчезла. Жалкие остатки этих экспонатов можно увидеть сейчас в двух тесных комнатках в Доме культуры имени Лепсе.

Памятник было намечено открыть 7 ноября сразу же после городской демонстрации. Скульптура силами самого Цыганкова и сплотившихся вокруг него энтузиастов была установлена на деревянном постаменте, раскрашенном под мрамор, и покрыта белым полотняным покрывалом. Закончилась демонстрация, и её участники двинулись в парк. Каково же было огорчение

собранных, когда они увидели, что тяжёлая шестерня, которую держал рабочий, упала на землю и увлекла за собой покрывало! А у постаментов стоял плачущий Цыганков.

Оказывается, довольно монументальная скульптура была вылеплена на деревянном каркасе, который не выдержал тяжести глины и сломался. Шаплыгин успокоил плачущего скульптора, и торжественное открытие памятника, хотя и искалеченного, состоялось. Вскоре эффектная фигура рабочего была снята, и на её место был установлен деревянный обелиск, заменённый на постоянный памятник уже во время Отечественной войны.